

№ 122

I I/2022

ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕСОЧНОМЪ

Приходская газета храма преподобного Серафима Саровского в Песочном
Санкт-Петербург

ВЕЧЕРНИЙ МОСТ

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа!

Розлюбленные во Христе братья и сестры, сегодня последний воскресный день перед Великим постом. Сегодня мы вспоминаем изгнание Адама из Рая.

В этот день обязательно совершается Вечерня с чином прощения. По обычаю Русской Православной Церкви все собираются в храмах, чтобы начать Великий пост, примирившись.

Но как это, к сожалению, нередко случается, за внешними обрядовыми положениями мы с вами утрачиваем глубокий духовный смысл того, что свершается.

Так один журналист свой рассказ о новостях закончил фразой: «Впрочем, скоро Прощёное воскресенье, так вот, я у всех у вас прошу прощения. До свидания!»

Представьте себе: нас кто-то обидел, а потом вот так попросил прощения! «Простите и привет. Я пошёл!»

Конечно, этот человек вообще не понимает, зачем всё это нужно и какое это имеет значение. Но всегда ли мы с вами, люди воцерковлённые, подходим к чину прощения не формально?

*Настоятель храма прп. Серафима Саровского
протоиерей Игорь Филин*

Продолжение проповеди на стр. 10–13

КАЛЕНДАРЬ НА ЯНУАРИЙ

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
7 Обретение мощей мучеников, иже во Евгении	8 Обретение мощей блж. Матроны Московской	9 Обретение главы Крестителя Господня Иоанна	10 Свят. Тарасия, архиепископа Константинопольского	11 Свят. Порфирия, архиепископа Газского	12 Прп. Тита, пресвитера Печерского	13 Свщмч. Арсения (Мацеевича), митрополита Ростовского
14 Прпмч. Евдокии Илиопольской, игумении	15 Иконы Божией Матери «Державная»	16 Мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска	17 Преподобного Герасима Вологодского	18 Прпмч. Адриана Пошехонского, Ярославского, игумена	19 Родительская суббота	20 Свщмчч. Василия, Ефрема, Капитона, Евгения, Еферия, Елпидия, Агафодора
21 Прп. Феофилакта, епископа Никомидийского	22 Сорок севастиийских мучеников	23 Мучеников Кодрата и иже с ним	24 Свят. Евфимия, архиепископа Новгородского, чудотворца	25 Прп. Симеона Нового Богослова, игумена	26 Родительская суббота	27 Прп. Вендикта Нурсийского, игумена
28 Свщмч. Александра Сидского (Памфилийского), пресвитера	29 Святителя Серапиона, архиепископа Новгородского	30 Прп. Макария, игумена Калязинского, чудотворца	31 Святителя Кирилла, архиепископа Иерусалимского			

СВЯТЫЙ САРОВСКИЙ В ПОСТЕ

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало. Не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедами вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, а в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа. Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. «Блажени алчущие яко тии насытятся» (Матф. 5: 6).

Подвигположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве они измеряли успехами в посте. При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

К той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешаясь от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного. Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишит себя всего, что может служить к облегчению немощей. «Могий же вместити да вместит» (Матф. 19: 12).

Пищи употреблять должно каждый день, только чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам, средам, особенно ж в четыре поста пищу, по примеру отцев, употребляй один раз в день, — и Ангел Господень прилепится к тебе.

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ. ЖИТИЕ

(Начало в №№ 120-121)

В XX веке сербский народ пережил такие же испытания, как и братский русский народ. Первое испытание от либералов западников, которые в ущерб сербским традициям создали Югославию. Св. Николай писал: «Югославия представляла собой для сербского народа величайшее недоразумение, жесточайшие корчи и самое постыдное унижение, какое он когда-либо испытал и пережил в своём прошлом».

Самое страшное искушение произошло, когда правительство решило заключить конкордат с Ватиканом. Святитель Николай и вся Сербская Церковь выступили против этого соглашения и несмотря на репрессии со стороны власти добились отмены подлого договора с папистами.

Ватикан страшно отомстил за провал конкордата. Во время Второй мировой войны хорватские католические боевики-усташи, при открытой поддержке католического духовенства Хорватии и по его прямому призыву, устроили геноцид сербского православного населения, уничтожив более двух миллионов сербов.

С началом войны преданная нацменьшинствами и без того слабая сербская армия развалилась под ударами непобедимого Вермахта и для святителя Николая и всего народа начались новые испытания. Директива Гитлера по Сербии: «Уничтожить сербскую интеллигенцию, обезглавить верхушку Сербской Православной Церкви, причём в первом ряду — патриарха Дожича, митрополита Зимонича и епископа Жичского Николая Велемировича».

В эти страшные дни было поднято древнее знамя четнической борьбы за Крест Честный и Свободу Золотую, столетиями вдохновлявшее православные народы Балкан на священную борьбу.

Когда фашисты по своей изуверской традиции захватили заложников, владыка сам явился к оккупантам и сказал: «Вы стреляете моих чад в Кралево. Теперь я пришёл к вам, чтобы вы убили вначале меня, а потом уже моих чад. Тех, кто находится у вас в заложниках». Владыку арестовали, но расстрелять не решились, боясь ещё больших народных возмущений. Как мог, святитель Николай вдохновлял сербских православных четников на борьбу с врагом, многие, получив его благословение, сложили свои головы за Крест Честный и Свободу Златую.

В 1944 году епископа Николая и патриарха Гавриила бросили в концлагерь Дахау. В лагере владыка написал книгу «Сквозь тюремную решётку», в которой призывал христиан к покаянию, размышлял о том, за что Бог попустил людям столь страшные бедствия.

Уже будучи в эмиграции в Америке, владыка вспоминал, что Бог никогда не был к нему так близок, как во время немецкого заключения.

После войны епископ Николай был объявлен коммунистами, пришедшими к власти в Югославии, врагом. На Родину его не пустили. Святитель поселился в Америке, где продолжил церковную и общественную деятельность, оставив после себя в том числе и богатое литературное наследие.

Всегда отличаясь большой любовью к русскому народу, он и свой путь в мире сем окончил в русском монастыре святителя Тихона в Пенсильвании. Тело Владыки было перенесено в сербский монастырь святого Саввы в Либертивилле и там похоронено. В день его смерти, 18 марта 1956 года, несмотря на коммунистические гонения, по всей Сербии пронёсся колокольный звон. После падения коммунистического режима в Югославии Владыка вернулся на родную землю. В 1991 году его святые мощи были перенесены из США в родной Лелич.

Протоиерей Михаил Волынин

ПЛАЧ БОГОРОДИЦЫ

Каждый год в Великую и Страстную Пятницу в середине дня совершается Вечерня, во время которой в центр храма выносится святая Плащаница с изображением лежащего во гробе Спасителя. А когда смолкают печальные и светлые песнопения Вечерни и многие молящиеся, приложившись к Плащанице, уходят (ведь день-то рабочий), наступает время Повечерия, и в полупустом, полутёмном, как пещера гроба, храме начинает звучать пронзительно одинокий голос священника, словно голос самой Богородицы, стоящей у Креста. Это исполняется канон «О распятии Господни и на плач Пресвятой Богородицы». И тогда кажется, будто вся скорбь мира заключена в этих словах, все мучения людей за всю историю — в одном Этом Умершем, и все страдание и со-страдание тех, кто потерял и ещё потеряет своих детей и близких за тысячи лет человечества, — в маленькой фигурке Матери, застывшей у подножия огромного и страшного крестного Древа. Ежегодно звучат эти слова, но каждый раз проникают в душу так, словно раздаются впервые, словно впервые для нас таинственно обретает звучание скорбь Той, что молча стоит у Креста. Таково действие этого удивительного канона — одного из наиболее выдающихся произведений православной гимнографии.

Огромная сила этого произведения заключена не только в том, что оно предназначено для исполнения в самый трагичный день церковного года, но и в самих его художественных достоинствах. Канон «На плач Богородицы» отличается от большинства других гимнографических текстов тем, что представляет собой целостное художественное произведение.

В Постной Триоди автором канона «На плач Богородицы» назван Симеон Логофет, под которым понимают преподобного Симеона Метафраста. Но на самом деле, по свидетельству единственной ныне известной греческой рукописи XIV века, содержащей текст канона, его написал патриарх константинопольский Николай. О том, что автора канона звали этим именем, бесспорно свидетельствует его подпись, содержащаяся в тексте произведения. Византийские гимнографы, начиная с Романа Сладкопевца, часто следовали более ранней сирийской традиции и снабжали свои произведения акростихом, содержащим имя автора. Так же поступил и автор канона «На плач Богородицы». Из четырёх тропарей каждой песни канона первые 3 тропаря по первым буквам вместе составляют сквозной алфавитный акростих (весь греческий алфавит от первой буквы «альфа» до последней «омега»), а начальные буквы четвёртых тропарей (читаемых после «И ныне...») складываются в имя автора: НИКОЛАΟΥ (Николая).

К сожалению, нельзя с уверенностью сказать, кто именно из патриархов Константинополя с именем Николай был автором канона, как и то, был ли он вообще патриархом. Существовал и другой канон «На плач Богородицы», который обычно в рукописях приписывался преп. Симеону Метафрасту. Постепенно авторство Николая было забыто, и оба канона стали надписывать именем Симеона. Эти тексты, возможно, в связи с переходом на другой богослужебный Устав исчезли из греческого богослужения. Однако оба канона «На плач Богородицы» присутствуют и в южнославянских, и в русских дониконовских триодях. В нашей дореформенной Триоди 1635 г. канон Николая был положен для исполнения на Повечерии в Великую Пятницу, а канон Симеона — на Повечерии в Великую Субботу. Затем, во время никоновской справы, когда богослужебные чинопоследования приводились в соответствие с греческими, канон Симеона был исключён из Триоди, а канон Николая под авторством Симеона, к счастью, сохранился у нас в богослужении до сих пор. Непонятна причина, по которой этот канон был оставлен в Триоди. Может быть, справщикам стало жаль удалять этот удивительный текст? Хочется думать именно так.

Канон «На плач Богородицы» обладает исключительной цельностью. Все его песни почти полностью посвящены описанию скорби Богоматери и изображают Её горе и плач. Есть лишь пара небольших отступлений от основной линии произведения: в 4-й песни и в начале 5-й Мария просит Иосифа Аримафейского, чтобы по его ходатайству Пилат разрешил снять тело Господа с Креста, и, когда это происходит, Иосиф с Никодимом также оплакивают Спасителя. А Господь на протяжении всего канона безмолвствует, и только в самом конце его — в предпоследнем тропаре — Он отвечает Своей Матери, объясняя, зачем принял смерть, и утешает Её, обещая Воскресение.

По своей художественной силе этот канон — произведение выдающееся не только среди литургических текстов, но и в общелитературном смысле. Его автор Николай написал его не как

наставник, а как художник, обращаясь вместо разума к нашим чувствам. И хотя жанр плача известен в разных культурах с древнейших времен, текст Николая выделяется удивительной искренностью и правдивостью переживаний Матери, потерявшей Сына. В каноне до самого конца и Богородица, и читатель пребывают в неизвестности. На все свои стенания и обращения к Сыну Она не получает ответа, и это возносит трагизм повествования в небывалую степень. Только последние 2 тропаря дают разрешение трагедии и возвещают о Воскресении: Спаситель отвечает Своей Матери в предпоследнем тропаре, а последний является Её краткой радостной и благодарной молитвой к Сыну.

Канон изображает видение Страсти человеком: Пресвятой Богородицей, учениками, современниками Христа. Он изображает их скорбь, растерянность, недоумение и даже состояние, близкое к отчаянию при виде умершего Друга и Учителя, а главное — сострадание, которое потрясает, изменяет, раскрывает и наши сердца навстречу грядущему событию Воскресения.

Особенно хочется сказать об этом сострадании Пресвятой Богородицы умершему на Кресте Сыну. В каноне Пресвятая Дева не однажды говорит о Своем желании умереть вслед за Сыном и сойти с Ним вместе в ад. Как в событии Благовещения Она явила совершенное послушание воле Божией, так и здесь, даже в момент крайней неопределённости и отчаяния, говорит о Своем желании быть вместе с Сыном и Богом невзирая на саму смерть.

Как Господь по любви к умирающим от греха людям спустился во мрак этого мира и принял смерть, чтобы спасти нас, так и Мать Его готова умереть и сойти в вечный мрак преисподней, лишь бы не разлучаться с Ним Умирающим. Наивысшее проявление любви — в этом желании всё оставить, все отдать ради Главного, по сравнению с которым всё остальное — прах. Всё в мире тленно, кроме любви. Только любовь способна жить и побеждать, преодолевая смерть. Любовь — залог и оправдание Вечности.

Готовность Богородицы к смерти никого не может спасти онтологически, как смерть Спасителя, но в ином смысле Она также спасает всех нас. Ведь в Её любви к Нему — начало подвига мучеников и исповедников первых веков. А позже — бескровное мученичество подвижников, самоотвержение юродивых, и снова победа, уже новомучеников, над безбожным, озлобленным миром... вообще всё многообразие человеческой святости да и порыв к Богу самых обычных, не святых, христиан.

Чтобы по-настоящему прочувствовать величие Матери Божией, понять, почему Она — первая среди всех святых, превыше херувимов и серафимов, недостаточно увидеть Ее лишь в Вифлееме, событиях Благовещения и Сретения. Нужно ещё, как это помогает нам сделать загадочный и удивительный автор канона Николай, представить Её со-страдание, со-умирание Сыну, последовать за Ней ко Кресту и дальше — в бесконечные три дня после Креста... Может быть, тогда мы хотя бы отчасти сможем увидеть сияние той любви человеческой, которая готова следовать за Богом и быть с Ним всегда и везде, даже в вечном мраке. Высшей любви человеческой, которая уподобляется любви Бога к человеку и становится способной вместе с Ним рассеивать мрак ада и смерти.

Тропари канона На плач Богородицы

Ни от гроба Твоего встану, Чадо Моё, ни слезы точащи престану Раба Твоя, дондеже и аз сниду во ад, не могу бо терпети разлучения Твоего, Сыне Мой.

Радость Мне николиже отселе прикоснется, рыдаючи, глаголаше Непорочная: Свет Мой и Радость Моя во гроб зайде, но не оставлю Его единого, zde же умру и спогребуся Ему.

Душевную Мою язву ныне исцели, Чадо Моё, Пречистая вопияше слезящи: воскресни и утоли Мою болезнь и печаль, можеши бо, Владыко, елико хочещи, и твориши, аще и погреблся еси волею.

О како утанилася Тебе есть бездна щедрот, Матери в тайне изрече Господь? Тварь бо Мою хотя спасти, изволих умерети. Но и воскресну, и Тебе возвеличу, яко Бог небесе и земли.

ПРОТОИЕРЕИ ИОАНН ОРНАТСКИЙ

*Мученический подвиг одного из настоятелей храма
преподобного Серафима Саровского в п. Графское (п. Песочный)*

Свой земной путь протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский, младший брат новомученика Философа Николаевича Орнатского, закончил в возрасте шестидесяти семи лет. Он пережил своего брата почти на два десятилетия.

Отец Философ был расстрелян в августе 1918 года, прослужив при боготорческой власти неполный год; его брат продолжал служение в условиях непрекращающегося гонения на Церковь в течение двадцати лет! Он пережил разорение и уничтожение Свято-Иоанновского монастыря, в котором прослужил без малого двадцать лет; он, близкий сподвижник отца Иоанна Кронштадтского, на руках которого Батюшка скончался, вынужден был вместе со своей женой, родной племянницей отца Иоанна, отстаивать неприкосновенность его святой гробницы; должен был служить в условиях обновленческого раскола в Русской Православной Церкви, подвергся аресту по делу владыки Вениамина (Казанского) и пережил его расстрел... И наконец, он был очевидцем отступничества и предательства некоторых своих бывших коллег-священнослужителей — и в этих условиях продолжал служение, до смертного часа сохранив верность Единой Святой Апостольской Церкви.

Не оставил он в этих условиях и своей проповеднической деятельности, правда, уже только устной: печататься отец Иоанн перестал вместе с прекращением выхода журнала «Кронштадтский Пастырь», который он редактировал. В своём последнем опубликованном слове, произнесённом в Иоанновском монастыре незадолго до событий октября 1917 года, а именно 31 марта, после выноса Плащаницы, он сказал: «Далеко от заветов Спасителя ушла современная жизнь. Поэтому-то плач, горький плач о грехах, о неблагодарности нашей перед Искупителем нашим, о прощении грехов, — вот что более всего прилично нам в настоящие минуты, когда предстоим самому Кресту и Гробу Его! Господь не отринет мольбу о прощении, не утаится пред Ним ни одна капля слезная. <...> Как в материнском сердце находит отклик каждый вопль малютки, так и Божественное сердце Спасителя благодатными колебаниями Своей любви откликается на каждую мировую скорбь и слезу, на каждое биение страждущего человеческого сердца.

Людские страдания Христос вменяет Себе. Он страдает со страждущими. Верим, что Он страдает сейчас и тебе, дорогая родина-мать, тебе, заливаемая кровью Россия! Да, вместе с этим поруганным образом (Спасителя. — Т. О.) пред нами и твой поруганный, изъязвленный образ, и никто из нас не может сказать: «Я не повинен в страданиях родины», что оплевания и заушения терпит Русь только от чужой руки. <...> Незаметен наш труд, но ведь из песчинок составляются горы, из капель — моря. Поэтому здесь, перед этой Плащаницей, перед этим образом мировых язв дадим обещание нести родине не огорчения, а утешение, будем честно исполнять лежащие на каждом обязанности и по возможности гасить разгорающийся теперь пожар злобы...»

Гасить этот пожар он продолжал до последнего дыхания — сначала в тюремных стенах, а потом в архипелаге под названием ГУЛАГ.

Наступил грозный и кровавый 1917 год. Уже февральский переворот предвещал чреватые катастрофическими последствиями перемены и в церковно-общественной жизни. В среде духовенства начался раскол: с одной стороны, возник «Союз церковного обновления» и «Союз демократического православного духовенства и мирян», вскоре объединившиеся под вторым названием — весьма малочисленный, казалось бы, но влиятельный орган, в составе которого не было ни одной фигуры, имевшей какой-либо авторитет в Петроградской епархии; но зато этот «Союз» пользовался поддержкой Временного правительства. Именно этот «Союз» отщепенцев вскоре встал во главе обновленческого раскола. Ему противостоял организованный Петроградским духовенством и мирянами во главе с владыкой Вениамином (Казанским) «Союз Церковного единения», в который вошли главным образом участники «Общества религиозно-нравственного просвещения», возглавляемого настоятелем Казанского собора, протоиереем Философом Орнатским, и

«Общество в память отца Иоанна Кронштадтского», возглавляемого протоиереем Иоанном Орнатским.

«Союз Церковного единения» так определял свою основную цель: «Объединение клира и мирян всей Православной Церкви на почве не политических платформ или веяний современной жизни, а на почве христианской задачи, Христова делания, которое прежде всего требует свободы внутренней, а не внешней».

Бесстрашным обличителем новых властителей, гонителей Православной Церкви стал протоиерей Философ Орнатский, уже к маю 1918 года обвиненный властями в контрреволюционной деятельности. И, несмотря на грозившую его жизни опасность, он во время запричастного стиха на богослужении в Казанском соборе, на котором присутствовал Первосвятитель Тихон, в своей речи сказал: «Пусть же очнутся наконец безбожники и богохульники наших дней, посягающие на святую веру и Церковь, воры и грабители, раздирающие Родину и расхищающие народное достояние, пусть проснутся теплохладные и встанут на защиту родных святынь, пора и всем нам объединяться для пробуждения в народе древнерусского благочестия...»

Через день, 14 июня, в зале «Общества распространения духовно-нравственного просвещения» на собрании с участием патриарха и митрополита Петроградского Вениамина отец Философ произнес слова, предопределившие его мученическую кончину: «Социализм враждебен христианству, он не признает Неба и хочет устроить рай на земле. Мы знаем по опыту, во что обращаются в социалистическом государстве украденные из христианства святыне начала: свобода, равенство и братство. Ныне больше чем когда-либо, и в России больше чем когда-либо, ясно, что только на основах подлинного христианства возможно вернуть народу порядок для продолжения спокойной жизни, имеющей конечной целью спасение во Христе».

Эти же мысли он развивал и в последних своих выступлениях — вплоть до ареста и расстрела. Близкие отца Философа долго ничего не знали о его участии, и только из ответа на написанное в Чрезвычайную Комиссию письмо его матушка узнала, что «гражданин Орнатский расстрелян как ярый контрреволюционер». По получении этого известия митрополит Вениамин с соборным духовенством, отцом Иоанном Орнатским, отцами Петром Балыковым и Михаилом Яворским (двое последних приходились отцу Философу зятьями) отслужили панихиду по убиенному.

Трагическая гибель брата явилась грозным предупреждением отцу Иоанну, которому предстояло продолжать борьбу за само право Церкви на существование, — и он продолжал эту борьбу до своего трагического конца. Ведь само служение Церкви в эти годы требовало мужества.

В 1921 году отец Иоанн стал настоятелем монастырской церкви Иоанновского монастыря и в этом же году был избран председателем Приходского совета.

Красный террор, начавшийся ещё осенью 1918 года, привёл к массовым репрессиям среди духовенства. Появились и первые новомученицы из сестёр Иоанновского монастыря, и первые арестованные из его духовенства. В июне 1919 года был конфискован весь капитал монастыря и составлена опись монастырского имущества, включившая в том числе святыни из церковного музея отца Иоанна Кронштадтского.

Ещё несколько лет монастырскому Приходскому совету удавалось сохранить единство. Отец Иоанн Орнатский писал: «...церковно-приходской совет, женский монастырь и верующие миряне

Святитель Тихон (Белавин),
патриарх Московский и всея Руси,
священномученик Вениамин (Казанский),
митрополит Петроградский и Гдовский,
священномученик Философ (Орнатский)

представляют собой одно целое, именуемое на языке властей “коллективом верующих”, а на языке духовном “Церковью”».

С образованием в августе 1922 года Петроградской автокефалии, не признававшей власти обновленцев, Иоанновский монастырь сразу же вошёл в неё, вызвав тем самым новую волну гонений и угроз, вызовы игумении Ангелины и отца Иоанна Орнатского в «органы», аресты.

14 ноября 1923 года Иоанновский монастырь был закрыт. Новым местом служения отца Иоанна Орнатского стала церковь во имя преподобного Серафима Саровского в Графской, где он теперь регулярно служил, сначала временно исполняя обязанности священника, пока 10 февраля 1924 года не освободилось штатное место.

В июне 1928 года отец Иоанн был переведен к месту своего последнего служения в Симеоновскую церковь на Моховой улице.

Наряду с новым назначением отец Иоанн до конца своих дней продолжал служение в Серафимовской церкви в Песочном. Он постоянно жил напротив неё — из монастырского дома семью Орнатских выселили сразу по закрытии самого монастыря.

21 февраля 1936 года сотруднику Управления НКВД по Ленинградской области Савельеву был выдан ордер на производство у отца Иоанна обыска и ареста. Начались допросы.

Следователь требовал назвать квартиры, в которых происходили встречи с молодёжью, даты этих встреч, а также «на какие политические темы велись разговоры», «кто их вёл» и «что говорил каждый». На последний вопрос отец Иоанн ответил категорически: «Я никогда не вступал в разговоры на политические темы с молодёжью. При мне они также никогда на темы политические не разговаривали». Следователь, имевший ряд показаний этой «молодежи», резко его оборвал: «Вы говорите неправду. Следствию известно, что в продолжение 1935–1936 года вы вели контрреволюционную пропаганду. Отвечайте по существу».

На допросе 2 марта речь шла об одном из главных обвиняемых — Сергее Кузине; в ответ на отрицательный ответ протоиерея: «Никаких политических разговоров у меня с Кузиным не было», следователь парировал: «Вы говорите неправду. Следствию известно, что в присутствии Кузина вы в антисоветском духе критиковали советские методы воспитания молодежи...» Последовал и ещё один вопрос, на который у следствия уже был положительный ответ: «Вы предлагали Кузину привлекать молодёжь в кружки, организованные в церкви?» Отец Иоанн отвечал: «Этого не было».

Отрицал отец Иоанн и все остальные показания Кузина. Ничего не дала следствию и их очная ставка, результат которой следователь сформулировал следующим образом: «Вы изобличены в том, что давали задания ему ездить по церквам гор. Лен-да изучать молодёжь и вербовать таковую в контр революционную организацию». И в ответ на очередное отрицание отец Иоанн услышал: «Следствие располагает данными о том, что вы являетесь организатором и идейным вдохновителем контр революционных кружков молодежи, что вы систематически давали задания в 1935 и 1936 гг. Кузину, Пономарёву и Галахову об антисоветской обработке молодежи и вербовке её в организованные вами контр революционные кружки...»

Несмотря на приводимые следователем выдержки из допросов называемых лиц, отец Иоанн всё отрицал. На закрытом судебном заседании Спецколлегии Ленинградского областного суда в последнем слове протоиерей Иоанн Орнатский сказал: «Виновным себя не признаю. Если я виноват, то только в том, что передал слух, что закрыли Александро-Невскую Лавру, и о том, что отклонено Богослужение митрополита в Никольском соборе. Ни на каких сборищах я не бывал».

В «Постановлении об избрании меры пресечения и предъявления обвинения», составленном помощником оперуполномоченного 6-го отделения УГБ Управления НКВД ЛО говорилось: «Рассмотрев следственный материал по делу № новое и приняв во внимание, что гр. Орнатский Иван Николаевич, 1870 г. р., Ленинграда, из дворян, священник Симеоновской церкви, русский, гр. СССР, ст. Песочная, достаточно изобличается в том, что является идейным руководителем к.-р. группы, организованной им совместно с Кузиным в Симеоновской церкви. Дает установки активу кружка Кузину, Попилиной, Бисерову и др. — для проведения ими а.-с. работы среди вовлеченной в кружки молодежи. Под прикрытием церковной деятельности, с т. наз. “духовными детьми” — вовлекает молодежь в к. р. группу, проводит обработку в а.-с. духе. Систематически выступает в церкви с проповедями к.-р. содержания, в беседах и выступлениях заявляет “о скорой гибели Соввласти”, распространяет провокационные слухи на Соввласть. Организует нелегальные сборы денег для оказания помощи репрессированному духовенству.

Постановил:

гр. Орнатского И. Н. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. п. 10 и 11 УК, мерой пресечения способ уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в ДПЗ по 3 категории» .

Это постановление было объявлено отцу Иоанну 5 марта 1936 года. Ему было вынесено стандартное обвинение «в совершении преступления, предусмотренного ст. 58–10 ч. I УК РСФСР».

Протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский был приговорён к 5 годам лишения свободы, с поражением в правах на 3 года. «Определением Специальной коллегии Верховного суда РСФСР от 17 декабря 1936 г. приговор оставлен в силе». «Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 24 сентября 1955 г. приговор Специальной Коллегии <...> и определение <...> отменено, делопроизводство прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения. Орнатский Иван Николаевич реабилитирован».

В конце официальной справки, которую получили родственники, сообщается, что Орнатский И. Н. «умер 21 апреля 1937 г. в Исправительно-трудовой колонии № 18 (ст. Погостье Кир<овской> ж. д.)». В семейном архиве Орнатских сохранилась телеграмма на имя матушки А. С. Орнатской, посланная со станции Погостье. Вот её текст: «Ваш муж умер 20 апреля» и подпись: Мортелов (или Мортелов).

Кто он был, этот добрый человек? И часто ли родные погибших получали такие телеграммы, явно не официальные? И не он ли помог чудом пробравшейся в Погостье старшей дочери батюшки Марии Ивановне Озеровой побывать в лагере и сохранить для близких подробности гибели отца?

Мария Ивановна учительствовала на ст. Любань, находящейся на одной линии с Погостьем, куда можно было пробраться частью на лошадях, частью тропками через болота. Она узнала, что отец Иоанн постоянно подвергался издевательствам лагерников и что после одного из таких истязаний, вернувшись в барак, он лёг на свое место лицом к стене и больше не проснулся.

В лагере отец Иоанн не прожил и полугода...

Его матушка, А. С. Орнатская, оставшись до конца дней (она преставилась 11 мая 1951 года) в той же Песочной и пережив войну и блокаду, растила и воспитывала внуков, берегла, спасая от обысков и не раз перепрятывая, архив мужа, которому отец Иоанн Кронштадтский доверил большую часть рукописей своих творений и дневников, а также библиотеку.

В апреле 1922 года священномученик владыка Серафим (Чичагов) писал из ссылки одному из своих духовных чад: «Православная Церковь переживает сейчас время испытаний, тот, кто сейчас останется верен Апостольской Церкви — спасен будет. Многие сейчас из-за преследований отходят от Церкви, другие даже предают ее. Но из истории хорошо известно, что и раньше были гонения, но все они оканчивались торжеством христианства. Так будет и с этим гонением. Оно окончится, и Православие снова восторжествует. Сейчас многие страдают за веру, но это — золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства».

Одним из сонма «пострадавших за веру Христову» был и шестидесятилетний протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский.

Тамара Ивановна Орнатская
Фрагмент «Жизнеописания протоиерея Иоанна Орнатского»

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

(Продолжение проповеди)

Чѣмъ больше церковные обычаи — а это неразрывная связь с народом, с русской историей — входят в обиход. Масленица отмечается повсеместно и очень широко. В корне своём масленица, как мы знаем, — это языческий обряд, и предшествующая неделя была вовсе не праздничной, а «мясопустной», неделей подготовки к строгому посту.

На празднование масленицы, «сырной недели» — как её ещё называет церковный календарь — Церковь смотрела сквозь пальцы, благословляя простые человеческие желания и чувства, но не поощряя разнузданного чревоугодия, пьянства и разгула.

Для чего же мы постимся?

Масленица прошла. Каждый провёл её по-своему. Впереди — Великий пост. Для чего нам нужно поститься?

У одних людей это вызывает недоумение: «зачем пост?» Другие говорят: «Покажите где-нибудь в Евангелии, что нужно соблюдать такой длинный и строгий пост».

Нигде в Священном Писании мы не найдём указаний на то, что должны поститься перед Воскресением Христовым. Но тот, кто интересуется историей Церкви, знает, что пост существовал буквально с апостольских времён. Пост — подготовка к празднику, подготовка к тому событию, которое является краеугольным камнем нашей веры — Воскресению Христову.

Зачем же нужен пост?

Сегодня тот самый день, когда вспоминается изгнание Адама из Рая.

Человек был создан Богом по Своему образу и подобию. Специально для человека Господь создал Рай, где человеку должно было жить и исполнять предначертанное о нём в Промысле Божиим.

Адам и жил в Раю. Не имел ни в чём нужды, не добывал в поте лица себе хлеб. В Раю произрастали различные деревья и злаки, и всё, что росло, могло быть употребляемо в пищу.

Кроме того, Адам как венец творения, как последнее творение Божие имел душу от Бога, вдохновение Божие и тем отличался от животного мира и был поставлен надзирать за Раем. В чём заключалось его попечение над Раем, сегодня судить сложно, но Адам играл там какую-то важную роль. Пребывание его в Раю не было праздным, он не просто лежал под пальмой и срывал плоды с деревьев. У него были и какие-то обязанности. Одно из его деланий раскрывается словами пророка, который говорит о глубоком общении творения со своим Творцом, человека с Богом. Адам ходил перед Богом. Адам говорил с Богом. Бог приходил к Адаму. Это общение, очевидно, составляло главное средоточие жизни Адама.

Сегодня уже ни один человек в здравом уме и трезвой памяти не может сказать, что он так запросто разговаривает с Богом, что Бог приходит к нему побеседовать, только люди духовно-больные или психически больные — с ними происходят всякие разные вещи, но это не чудеса, а болезнь.

Каждый человек, осознавая себя грешным, понимает: как я, исполненный греха, могу запросто разговаривать с Тем, Кто Свят, с Тем, в Ком нет ни малейшего изъяна, с Творцом Вселенной?! Я — мельчайшая частица этой Вселенной, мельчайшая частица Творения Божьего.

Адам, пребывая в Раю, очень глубоко общался с Богом. И главная задача, и возможность жизни Адама заключались в том, чтобы в ещё большей степени обожиться, в ещё большей степени уподобиться своему Небесному Отцу.

Мы должны понимать, что мы — творения Божии, мы не можем стать богами по природе, по своей сущности. Но, как говорит Иоанн Богослов, нам дана возможность стать сынами Божиими по благодати, то есть по милости Божией, по Его благому дару, который Он дал человеку.

И хотя мы отличаемся своей тварной природой от нетварного Творца, но имеем способность уподобляться Тому, Кто нас создал. Именно в этом всё более и более глубоком уподоблении и заключалась главная цель жизни Адама, его существования. Процесс уподобления никогда не может быть завершён. Невозможно сказать: всё, этот человек окончательно уподобился Богу.

Некоторые религии полагают, что в человеке есть частица божества и, освободив её от всего лишнего и ненужного, человек становится равным Богу. Но мы знаем, что это невозможно. Мы не можем стать равными Богу по своей сущности, поэтому процесс уподобления бесконечен. Бесконечен не только в этой жизни, но и в жизни будущего века. Не будем забывать, что Адам был бессмертен, именно таким сотворил его Господь. Но источник бессмертия находился не внутри Адама, он не сам давал себе бессмертную жизнь, он получал её от своего Творца посредством тесного общения с Ним и стремления к уподоблению.

Адам должен был становиться всё более и более подобным Богу. Уподобляясь своему Творцу, человек, пребывающий плотью, своим тварным существом в этом мире, являясь не только его частью, но и венцом, через себя давал возможность обожения и остальному творению.

Мы имеем неразрывную связь со всем окружающим миром, поэтому анатомически мы, люди, похожи на животных. Это наблюдение в своё время позволило тем, кто хотел освободиться от власти божества, сказать, что человек — это животное. Это подобие, эта схожесть с животными говорит лишь о том, что человек не что-то чужое в этом мире, он есть плоть от плоти и кость от кости окружающего его мира. Обоживаясь сам, одновременно человек даёт возможность обожиться и миру.

Как мы знаем из Ветхого Завета, из Книги Бытия, Бог создал всех тварей именно тогда, когда Он творил этот мир. Ни одно новое животное не появилось после сотворения человека. Таким образом, тогда же были созданы и нынешние хищники, но в Раю они не поедали других животных. Они имели иное устройство и употребляли в пищу растения. То же самое, вероятно, произошло бы с воспроизводством человеческого рода. Святые отцы, углубляясь в эту тему, приходят к выводу, что если бы Адам нашёл в себе силы не согрешить, то человечество бы умножилось, поскольку был мужчина и была женщина, но происходило бы это каким-то иным образом, где бы не было места греховным страстям.

Адам, пребывая в Раю, беседовал с Богом. Рай и есть то место, где надо быть человеку. Рыбы плавают в воде, животные ходят по суше, а человеку необходимо жить в Раю. То место, где мы сегодня находимся, — это не наша родина, это не та среда, в которой мы должны обитать.

А почему же мы оказались здесь?

Только потому, что стали неспособны обитать там.

В результате грехопадения человек лишился возможности оставаться в Раю.

С чем это можно сравнить? Представьте себе, что рыба вдруг лишилась жабр, с помощью которых она впитывала в себя из воды кислород. Лёгких у неё нет. Она больше не может жить в воде, она потеряла эту способность и вынуждена как-то приспособливаться. В нашем мире она бы сразу погибла. Людям же была дана возможность приспособиться к этому миру, в котором мы сегодня живём. Но каждый из нас должен понимать — мир, который нас окружает, не естествен для нас. Сюда мы оказались выброшенными из настоящей человеческой жизни. И главное, что отличает этот мир от Того, — смерть. Там смерти не было, а здесь она есть.

Если прийти на кладбище, посмотреть на могилы и задать себе вопрос: а это то место, где мне положено быть? Это то место, где я хотел бы быть? Разумеется, никто из живущих не хочет умереть и не хочет оказаться под землёй.

А мы оказались на таком кладбище. И мы здесь влачим какое-то существование. Тем и отличается христианская религия от всех прочих, что мы ясно отдаём себе отчёт, что наше нынешнее положение не является естественным, оно ниже естественного. Оно грехопадшее. Оно заражено смертью.

Но нам дана возможность стать сынами Божиими, вернуться в перводанное состояние, когда подобие своему Творцу позволит нам непрестанно с Ним общаться. И в этом общении ещё больше исполняться жизни.

Каждый из нас может вспомнить состояние болезни: когда болеешь, больше всего желаешь скорейшего выздоровления. То же самое и в нашем нынешнем состоянии, в состоянии болезни смертью. Надо осознать своё положение и захотеть стать здоровым.

Что делать человеку, который родился слепым? Он приспособился жить в этом мире. Он не знает другой жизни. Быть может, он сравнивает свою жизнь с жизнью других людей и чувствует какую-то ущербность своей жизни, но, тем не менее, ему приходится смиряться и жить, у него нет выбора.

Самое страшное, что происходит с нами, — мы считаем свою ущербную жизнь полноценной. Жизнь червяка считаем жизнью орла. И не только воспринимаем эту жизнь как полноценную, но и превозносимся в ней, хвалимся перед другими или внутри себя, что одних мы превосходим умом, других крепостью, красотой, успехом. Разумеется, такого рода переживания, такого рода представления о себе и об окружающем мире являются искажёнными. Они являются плодом больного сознания. Здоровое же, с христианской точки зрения, сознание — это сознание человека, который понимает, что хвалиться ему нечем, потому что вся его жизнь исполнена грехов. Мы постоянно грешим, если не делами, то языком, если не языком, то мыслями, чувствами. И если мы сравним себя с первоначальным Адамом, то сравнение будет не в нашу пользу.

Церковь сегодня даёт нам возможность ещё и ещё раз вспомнить об этом, чтобы мы искренне, горячо захотели последовать за Христом в жизнь вечную, богоподобную, в ту жизнь, которая и является единственно человеческой жизнью. Тогда для нас воздержание и в том числе пост — это средство для достижения этой цели. Человек, который не умеет воздерживаться, не может бороться со страстями, становится игрушкой своих собственных страстей. Вспомним слова Спасителя: «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8: 34).

Проще отказаться от мяса за обедом, чем от осуждения, от обиды, от раздражения. Скоромную пищу можно отложить. Пост духовный предполагает борьбу с самим собой, с тем, что живёт в тебе. Только если мы пытаемся бороться со своими грехами, воздерживаться, только тогда у нас появляется возможность с Божией помощью вырваться из плена смерти.

Как видите, пост — необходимое условие нашего спасения. Именно когда мы постимся, когда воздерживаемся, когда пытаемся противостоять своему чреву, своим вожделениям, когда накладываем на себя ограничения, мы становимся способными к чему-то большему.

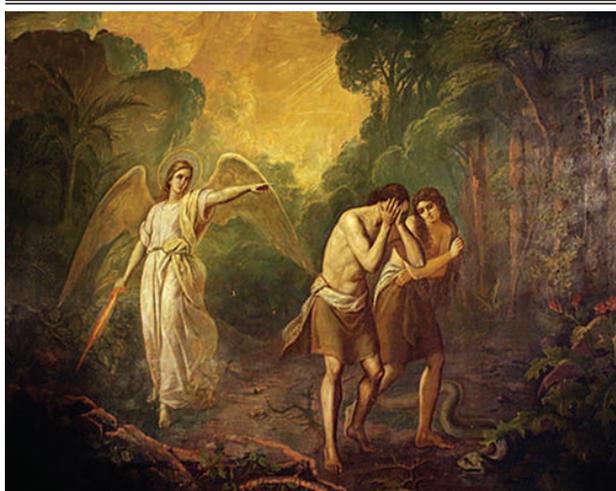
Сегодня, вспоминая изгнание праотца Адама, мы с вами, как внуки Адамовы, должны понимать, что тоже находимся в изгнании. Мы даже не те блудные дети, которые ушли из дома отца своего в надежде на лучшую жизнь. Нас просто выкинули, как когда-то во время революции выкинули наших предков за границу.

Р канун дня памяти преподобного Серафима Саровского, 14 января, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий возглавил Всенощное бдение в нашем храме.

Его Высокопреосвященству сослужили настоятель храма протоиерей Игорь Филин с клиром, иерей Павел Ермошкин и другие священнослужители.

За богослужением молились прихожане и сестры из «Обители веры и милосердия».

Тогда у части русских людей отобрали право жить там, где они родились. Им оставили только одно право — умереть. Эти люди были вынуждены уйти. Но как они жили вдали от родины?! Они жили, создавали семьи, искали работу, но всё время помнили о том, что они эмигранты, изгнанники, а родина их — Россия. И те, у кого было больше сил и мужества, и своих детей воспитали с этой памятью. В 90-е годы дети, внуки, а то и правнуки тех людей, кому не нашлось места в новой России, приехали на родину! Вы можете вообразить себе, как они тосковали и как они стремились вернуть свою земную родину? А мы все потеряли свою Родину Небесную! Но так ли мы стремимся вернуть её?

Если бы мы с вами жили этим чувством, разве бы мы позволили себе разменивать жизнь? Жить по страстям, грешить, забывать Бога?

Посмотрите на эмигрантов: те, кто приспособивался, те, кто старался скрывать свою русскость, просто ассимилировались, растворились в чужом мире. Их дети, внуки и правнуки даже если вспоминают, что у них в роду был кто-то из России, то сами они уже не русские.

Так и мы, когда забываем о своём Отечестве Небесном, в какой-то степени перестаём быть людьми. И действительно, тут недалеко начать считать себя животным, которое живёт здесь, в этой материальной среде и добывает себе пищу силой или тем, что хорошо приспособивается к обстоятельствам. Но если мы действительно хотим быть детьми Божиими, то мы должны помнить, кто наш Отец и где наше Отечество. И тогда, если мы помним, если мы хотим туда вернуться, то борьба со страстями даётся значительно легче. Легче, потому что у нас есть цель, есть смысл, и тогда прибывают и силы.

А если мы забываем о сути, если для нас всё превратилось в формальность и традиции, тогда, как этот журналист, попросим сегодня друг у друга прощения и покатаемся опять туда, куда катились. Выбор остаётся за нами. Каждый из нас сам выбирает, кем ему быть.

Однажды на светском рауте в Париже в присутствии Парижского архиепископа зашла речь о теории Дарвина про эволюцию, она тогда только-только стала известной и все её повсеместно обсуждали. Одна из дам, считающая себя просвещённой, решила поддеть архиерея и сказала: «Ваше Преосвященство, а вы слышали, что человек-то, оказывается, произошёл от обезьяны?» Архиепископ был французом и ответил с такой же галантностью и едкостью: «Не знаю, как вы, мадам, но я — творение Божие».

Будем выбирать! Аминь.

**Настоятель храма прп. Серафима Саровского
протоиерей Игорь Филин**

«Все свои наставления батюшка Серафим испытал на опыте и показал: чтобы стать святым, надо это исполнять, — сказал владыка в проповеди. — И он исполнял, молился, всех любил, с радостью встречал. Мы часто родных и близких не можем встретить, а он всех чужих встречал. Какие грешники приходили к нему, и всех он привечал спокойно и мирно, наставлял на путь покаяния. Ему Господь и Матерь Божия внушали, что сказать, он был прозорливым и насквозь видел людей, помогал им каяться и исправляться. Преподобный и сейчас даёт нам советы. Когда мы совершаем его память здесь или ездим в Дивеево, он слышит наши молитвы и помогает нам. Нужно в это верить и молиться ему, чтобы он помог нам стяжать дух мирный, любовь и милосердие к ближнему».

ЧАДУШКА ОТЦА СЕРАФИМА

И муж мой пожелали видеть богоугодного старца Серафима и поехали в Саровскую пустынь. Но по приезде туда не застали отца Серафима в монастырской его келье, он был в лесу, на пустынных трудах. Мы пошли туда, и вскоре сам старец встретился с нами. Он тотчас обратился к мужу моему со словами: «Вот что, батюшка, пророк Давид пишет: «Господи, возлюби благолешие дома твоего, и место селения славы твоей». Вельми хорошо, батюшка, украшать Храмы Господни». Отец Серафим говорил это по дару прозорливости, провидя, как муж мой любил украшать храмы Божии.

После того отец Серафим приглашал нас в свою монастырскую келью, и мы стали у него просить благословения на поездку в Москву к своему помещику, чтобы хлопотать об отпущении на волю или, по крайней мере, о том, чтобы господин уволил мужа моего от должности управляющего. Но отец Серафим, выслушав слова наши, взял моего мужа за руку и, подведя его к иконе Умиления Божией Матери, сказал: «Прошу тебя, ради Божией Матери, не отказываться от должности. Твоё управление — к славе Божией: мужиков не обижаешь. Не слушай, кто тебе будет говорить про тебя или про твою супругу дурно, а в Москву нет тебе дороги. Вот твоя дорога: я благословил одного управляющего — просится на волю по смерти господина, который при жизни своей купил себе имение на Низу и послал его принять оное и устроить. Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю и дала ему доверенность на управление имением такую, что только себя не вручила ему». Отец Серафим говорил эту притчу о моём муже, с которым действительно всё то случилось впоследствии, что он предсказал за несколько лет до исполнения.

У мужа моего была странная болезнь. Едва только он немного простудится, как тотчас кровь бросается ему в лицо, делается напряжение жил, нервы, особенно носовые приходят в необыкновенное раздражение, и он сначала ощущает странное щекотание в носу, а потом начинает чихать беспрестанно. Это изнурительное чихание продолжалось у него иногда целый день, а иногда и два и совершенно убивало его. Московские и нижегородские врачи советовали ему непременно лечиться от этой опасной болезни и предсказывали, что у мужа моего со временем может образоваться полип. Но так как мужу моему некогда было заняться серьёзно своим лечением, то болезнь вскоре очень усилилась. Тогда мы решились ехать в Саров к отцу Серафиму.

По приезде нашем старец, благословивши нас, тотчас же взял с печки бутылку с водой, приказал моему мужу наклонить голову и начал сам поливать её водой из бутылки, потом приказал ему умыться этой водой и подал ему со своей шеи полотенце, чтобы он утерся им. С тех пор болезнь совершенно миновалась, и он прожил ещё семь лет.

Отец Серафим, благословляя нас однажды на возвратный путь из Сарова домой, сказал мне: «Вот, матушка, пришли ко мне мужчина и две женщины и стали творить молитву; я их не пустил, а когда они стали очень громко стучать в дверь и мне уже нечего было делать, то я лёг спать». — И потом прибавил: — «Понимаешь ли ты это, матушка!»

После того, по приходе нашем на гостиный двор, мы нашли там какого-то чиновника нижегородского, который приехал в Саров с женой и начал меня спрашивать сходить с ними к отцу Серафиму, говоря, что они одни не смеют идти и думают, что отец Серафим не пустит их. Муж мой также просил меня, чтобы я сходила с ними. Мы пошли и, по приходе на крыльцо кельи, услышали, что отец Серафим что-то делает в своих сенях. Я, по обыкновению, сотворила молитву. Но отец Серафим не отвечал обычного «аминь» и не отпирал дверей. Спутники мои начали проситься с усилием, но он молчал. Тогда мужчина начал громко стучать в двери, и вот мы услышали, что отец Серафим лег спать у самых дверей, где мы стояли, и через несколько минут захрапел. Тут только поняла я, о каком мужчине и двух женщинах говорил он мне при прощании, и мы принуждены были отправиться домой в гостиницу, не видавши старца.

В последний год жизни моего мужа я была в Сарове, в пустыни отца Серафима. Я нашла там его, собиравшего щепки, у вала, на дороге. Заметив меня, он подозвал меня к себе и сказал: «Вот, матушка, Святые Отцы благословили меня собирать эти щепочки для сирот дивеевских; придёт зима, нужно будет топить им печки». Потом, взяв меня за руку, довёл по дороге до своих гряд, где были посажены лук и картофель, и сказал: «А вот, матушка, моё богатство, вот как я живу. Богатство же муженька твоего пойдёт в другие руки, но ты не унывай о том».

Действительно, через несколько месяцев муж мой скончался, а остальное всё случилось так, как предсказывал дивный старец.

Однажды я была очень больна желудком и начала лечиться, но так как пользы никакой не было, то я приехала к отцу Серафиму и рассказала ему о своей болезни. На это старец отвечал мне так: «Если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро, скоро живот свой кончишь. Болезнь сию молчанием понеси, и пройдёт, как перестанешь лечиться». При этом он прибавил: «Вот когда ты пойдёшь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь!» По благословению Серафима я перестала лечиться, и болезнь моя действительно миновалась.

После того я поехала в село Пемец, где находится чудотворная икона Божией Матери. И вот на квартире, где привелось мне остановиться, я увидела старушку, которая перевязывала свои раны, которыми было покрыто всё её тело. Утром, идя к обедне, я увидела новую страшную больную: вели одну девушку, расслабленную, опухшую и трясущуюся всеми членами. Тогда невольно вспомнила я слова отца Серафима, которые сначала казались мне непонятными: «Когда ты поедешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь!»

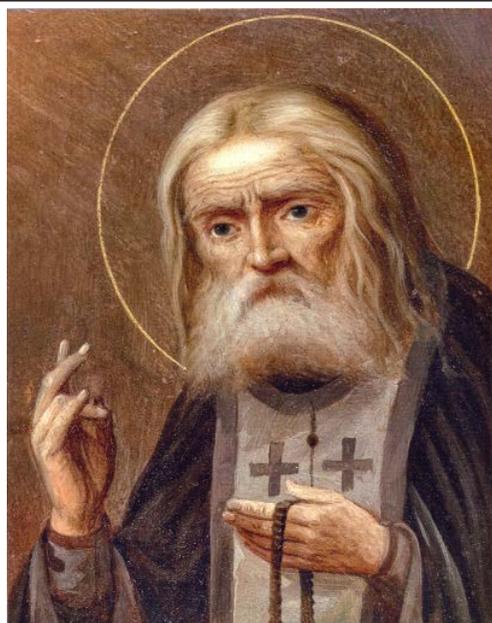
Однажды я была у отца Серафима с родной своей сестрой, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей: «Жизнь твоя, матушка, благословенна до самого твоего успения». На это сестра моя отвечала ему: «Простите меня, батюшка, Христа ради: я всё грешу, ссорюсь со своим родителем за то, что он, сдавши своё место брату моему, сам всё живёт у меня». Отец Серафим возразил ей: «С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем?» Сестра отвечала ему: «У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает ныне курс, и я на него имею надежду». Но отец Серафим опять возразил ей: «Никакой, матушка, нет надежды, никакой нет». И действительно, сын сестры моей вскоре умер.

Однажды, будучи в Сарове, в день воскресный пошла я после поздней Обедни к отцу Серафиму, и он, благословив меня, спросил: «Ты, матушка, была у Обедни?» Я отвечала: «Была, батюшка». Тогда он спросил: «Видела ли ты там, как мы собором отпевали одну женщину? Я только что пришёл из церкви. Наш отец игумен сделал ей хороший гроб. Понимаешь ли ты это, матушка?» — и он повторил свой вопрос несколько раз.

Я подумала, что, верно, он предсказывает мне близкую мою кончину, и с этими мыслями отправилась домой. Дорогой заехала я в деревню Соболеву, которая принадлежит к Покровскому приходу, чтобы навестить свою родную тётку. Но здесь, к великому прискорбию, услышала я, что тётка моя недавно умерла и её похоронили в тот самый воскресный день, после Обедни, в который я была у отца Серафима и он говорил мне о покойнице. Отец протоиерей сделал ей, по усердию на свой счет, гроб и похоронил собором. Тогда поняла я чудную прозорливость отца Серафима.

Однажды привезла я к отцу Серафиму восковых свеч, он тотчас же спросил меня: «Ты, матушка, поедешь в Дивеев?» Я отвечала ему: «Благословите, батюшка; я везу туда три иконь». Тогда отец Серафим сказал: «Так, кстати, отвези туда и свечки; всё равно за вас пойдёт молитва». Потом он сказал: «Ты, матушка, знаешь пчёл? Когда матка сидит в улье, то и пчелки около неё. Так-то и девочки в Дивееве всегда пребывают с Божией Матерью». На это я сказала ему: «Ах, батюшка! Как счастливы эти девочки, что они всегда пребывают с Божией Матерью». Тогда батюшка возразил мне: «Что девочкам завидовать; и вдовой быть хорошо; Анна Пророчица была вдова, но ей разве было худо? А ты девушек-то моих люби, почитай и не дожидайся, чтобы они за тобой ходили, а сама поищи их».

Через несколько лет после того я овдовела; и из Дивеева Ирина Прокопьевна прислала ко мне сестру с письмом, в котором звала меня в обитель. Тогда я вспомнила слова отца Серафима: «Не дожидайся, чтобы девушки мои за тобой ходили, а сама поищи их», — и решилась поступить в Дивеевскую общину.

ТАКОЕ СЧАСТЬЕ, ЧТО Я С БОГОМ!

*Беседа с постоянной прихожанкой нашего храма
Лидией Васильевной Махмутовой*

Мария: Лидия Васильевна, расскажите, пожалуйста, когда Вы впервые пришли в храм преподобного Серафима Саровского?

Лидия Васильевна: Это был июнь 1995 года. Я очень хорошо помню тот день, и надо сказать, что с того дня я всегда ходила на исповедь к отцу Игорю и просто жила его молитвами и по его благословию. Батюшка стал моим духовником. Мой путь в храм — это отдельная история.

Мария: Расскажите, пожалуйста, о Вашем послушании на приходе. Когда появилось желание помогать приходу?

Лидия Васильевна: С 2006 года я дежурю в часовнях.

Однажды ко мне подошла старшая сестра Татьяна — Царствие ей Небесное! — и предложила дежурить в часовне преподобного Серафима Саровского. Моему младшему ребёнку на тот момент уже было семь лет, и я могла какое-то время посвящать приходской жизни.

В часовне у родника я дежурила совсем недолго. Оттуда меня перевели в часовню иконы Божией Матери «Всецарица». А последние года полтора–два я дежурю в часовне Космы и Дамиана.

Мария: Это же совершенно разные послушания! В часовню у родника приходят люди за водой, узнать про крещение, про то, насколько святая водичка и как её пить. А в часовни при онкологических центрах приходят люди, проходящие тяжёлое лечение, и их родственники — люди, пребывающие в тяжёлом состоянии, в большом стрессе. Расскажите, пожалуйста, поподробнее о Вашем служении в часовне. Ведь это не просто послушание и не просто работа, это именно служение, тем более когда оно продолжается 16 лет!

Лидия Васильевна: У нас многие прихожане дежурят в часовнях при онкологических больницах, я даже подумала, что было бы хорошо в газете начать рубрику «Случай в часовне». Каждый раз во время дежурства мы сталкиваемся с такими историями, которые могли бы многим принести большую пользу для понимания жизни.

Вот так однажды я дежурила во «Всецарице». Пришла совсем молодая женщина, ей было всего тридцать лет, и рассказала, что они с мужем прожили в браке восемь лет и сейчас узнали о страшном диагнозе. Меня её история очень тронула. Сейчас молодёжь решает за Бога, когда что должно происходить в их жизни, считает, что нужно «пожить для себя», — как это сейчас называется. А что потом?..

Молодые люди восемь лет жили для себя, объехали много стран, купили квартиру, машину, построили карьеру. И вдруг муж очень серьёзно заболел, а жена сильно испугана, она не может жить без него, хочет продолжения жизни с ним, хочет родить ребёнка. Люди жили своим умом, без Бога, всё сами строили-строили, и вот в один миг всё начинает рушиться! Первое, что они сделали, узнав диагноз, побежали в клинику, чтобы сдать материал для ЭКО. А материал не подходит, он уже не живой. Поздно. И вот эта бедная женщина говорит: «Я не знаю, что мне делать! У меня не остаётся ничего! Больной муж на руках и больше никого нет...»

Мария: А восемь лет брака говорят о том, что у них большая любовь, которая прошла много искусов, но сохранилась.

Лидия Васильевна: Да, жили дружно, было хорошо, только своих детей они не пустили в свою жизнь. И вот такая трагедия!

Мария: Ужасная история! Но Бог может всё, будем надеяться, что и в их семью вернётся и здоровье, и счастье, но уже на новом, более глубоком уровне!

Шестнадцать лет — это много. Не тяжело? Не происходит выгорания?

Лидия Васильевна: Там невозможно выгореть.

Мария: Не накапливается усталости от людской скорби?

Лидия Васильевна: Вы знаете, в состоянии скорби приходят люди, когда пугаются. Когда начинаешь разговаривать, рассказывать им, то можно принести реальное облегчение.

Тяжело с людьми, которые приходят и спрашивают: «А за что мне это?! Я не воровала, я ничего не делала плохого. Почему у меня такая болезнь?! Я всю жизнь работала, никому не делала зла!» Вот с этими людьми очень трудно.

С такими правильными, порядочными. И может быть, гордыми. «Значит, вы святая?» — спрашиваю. «Нет! Я не святая!» Таким людям очень тяжело и смириться, и принять своё положение, и обратиться к Богу за помощью.

Но в основном люди приходят с надеждой и упованием на Бога, и у них душа раскрывается, и мир перед глазами обновляется.

Но я хочу сказать, что и для моего духовного исцеления тоже полезно это послушание. Люди приходят со своими болезнями души, а я узнаю себя и думаю: «О! Господь послал мне этого человека, чтобы я больше так не думала, чтобы я так не делала». Это большой духовный опыт. Казалось бы, я трачу своё время, в часовне Космы и Дамиана дежурство продолжается целый рабочий день, но ничего подобного! Это очень важное время, потому что я посвящаю его своей душе!

Часто в часовню приходят родственники болящих. Иногда люди болеют и не идут, а родственники, которые их любят, приходят и как же они за них молятся! Последний раз, когда я дежурила в часовне Космы и Дамиана, пришёл мужчина лет сорока. Его мамочке 73 года, ей делали операцию на головном мозге. Операция длилась четыре часа. Все эти четыре часа он стоял и молился за неё! Вы представляете, какая это любовь? Воплощение любви в молитве!

А знаете, как мужья молятся за своих жён?! Какая вообще любовь-то бывает!

Мария: Я так понимаю, что было бы полезно каждому прихожанину нашего храма хоть чуть-чуть подежурить в часовнях, чтобы получить вот такой духовный опыт.

Лидия Васильевна: Да, это очень полезно для души. Правда, я пришла в часовню, уже имея свой духовный опыт, мне уже самой было чем поделиться с теми, кто ко мне подходил. Я свой очень тяжёлый путь к Богу уже преодолела, уже пришла как разбитое корыто. Уже знала, как Господь милостив, и понимала, что не всегда «за что мне?», чаще «для чего это?». Когда оглядываешься назад на свою жизнь, всё выстраивается в ровную дорогу и понимаешь: что ж я с ума сходила?! Чего ж я так боялась? Слава Богу за всё!

Мария: Татьяна попросила временно помочь в часовне? Или сразу предложила Вам такое сложное послушание?

Лидия Васильевна: Я сразу встала на дежурство и всё. Когда чувствуешь Божию помощь, уже не можешь и боишься отойти от Бога.

Мария: От послушания сам не уходишь, да? От послушания освобождает Господь.

Лидия Васильевна: Конечно. Но тут даже наоборот, сам стремишься стать поближе к Богу.

Мария: Расскажите, пожалуйста, когда и где Вы крестились?

Лидия Васильевна: Я родилась в Ленинграде, крестили меня, когда мне было три месяца в Князь-Владимирском соборе.

Вообще, меня зовут Лилия. Когда меня принесли крестить, батюшка сказал, что нет святой Лилии, и крестил меня с именем Лидия.

Мария: Получается, Вы коренная петербурженка?

Лидия Васильевна: Моя бабуля работала здесь и жила ещё до революции. Как она сама рассказывала: «Я в девушках ещё была до революции, работала на парфюмерной фабрике. У нас был хозяин, он дарил нам подарки на праздники».

Однажды она надела себе бантик, была какая-то предреволюционная забастовка рабочих, надела в знак солидарности. Её тётка заметила с этим бантиком, оторвала его и сказала: «Я тебя накажу, если ещё раз увижу, что нацепила это!» А сама-то она ещё совсем девочкой была 15–16 лет, что понимала?

Я у неё всё спрашивала: «Бабулечка, как вы жили при царе?» А она говорила: «Ох, и хорошо мы жили!» Я ей: «Да что ты мне говоришь?! Как может быть хорошо при царе?!» И она сразу замыкалась и замолкала. Потому что чёрные воронки и все страхи репрессий она помнила.

Бабулечка жила в Ленинграде во время блокады, и страшную первую зиму здесь провела, эвакуирована была в 1942 году. Папа мой воевал на фронте. Второй её сын был эвакуирован с заводом и пропал без вести. Вот такая трагедия!

Меня в детстве очень интересовало, и я всё расспрашивала бабушку: «А ты венчалась?» — «Да!» — «А как это было?» Выясняю, а сама думаю: «Эх, а я-то никогда не буду венчаться! Хоть бабуля расскажет, что это такое».

Представляете, как жизнь складывается! В этом году у нас с мужем 25 лет со дня венчания!

Мария: Поздравляю Вас! Это так здорово! А Вы вспоминали бабушку во время венчания?

Лидия Васильевна: Конечно! Она мне рассказывала и как волосы расчесала и уложила, какое платье у неё было, как им в храме полотенце расстелили — я всё не могла представить, какое-такое полотенце? И всё страдала, что никогда не буду венчаться!

Вообще, с бабулечкой много связано дорогих воспоминаний. Шёл 1967 год. Мне было лет двенадцать. Привезли в Ленинград «Фантомаса». До этого мы почему-то не ходили в кино. А тут такое дело! Я — к бабуле: «Там “Фантомаса” привезли, дай мне 35 копеек на кино!» А она мне вдруг и говорит: «Лилия, это церковь, туда идти нельзя!»

А мне так хочется! Почему нельзя? Бога-то нет. Вот и Гагарин летал, Бога не видел. Бабушка говорит: «Ну как же нету?! Он есть. И в церковь ходить, чтобы кино смотреть, нельзя!»

Я стала шуметь на неё, и в конце концов выплакала 35 копеек на билет и сходила на этот фильм. Потом, конечно, всю эту историю я забыла, но Боженка мне её однажды напомнил. Выходила я из храма, и в меня врезалась одна подслеповатая старушка. Пока я её провожала, куда она меня попросила, бабушка эта мне рассказала: «Вот, а мы до войны в этот храм ходили как в клуб, танцевали здесь. Такой грех большой! Так меня за это Бог наказал! Муж всю жизнь пил, а теперь сын пьёт, бьёт, да ещё и пенсию отнимает!» Я подумала: «Слава Богу, я в храме не танцевала!» А потом вдруг — раз! — и вспомнила, как «Фантомаса» смотреть ходила. А ведь моя бабулечка меня предупреждала, что это большой грех!

Мария: Какая у Вас была верующая бабушка! Она вас крестила?

Лидия Васильевна: Нет, это было решение родителей. Моя крёстная — мамина сестра.

Мария: У Вас была верующая семья?

Лидия Васильевна: Бабушка была глубоко верующим человеком. Остальные скорее просто соблюдали традиции, но детей крестили в младенчестве, только моя младшая сестра крестилась, уже будучи взрослой.

Папа вспоминал, как в 1926 году, ему было тогда восемь лет, они ходили с мамой в храм. Летом они жили в Тульской области, в деревне Семёновка. «Идём мы с мамой в церковь, а поле скошенное, и если на стерню встать — больно, потому что босяком шли, а стерня жёсткая и втыкалась в ногу как заноза. Но если прежде чем встать, немножко наклонишь её, то уже не больно. Потом подходишь к церковной ограде, садишься, ножки отряхиваешь и одеваешь ботиночки, которые всю дорогу нёс».

Папин отец был одним из первых машинистов электрического трамвая в Санкт-Петербурге. А бабушка всегда с гордостью говорила, что она ещё и на конке работала.

Мария: Какая у Вас историческая бабушка!

Лидия Васильевна: Да! Бабулечка родилась в 1901 году. И при царе хорошо пожила, и революцию, и гражданскую войну видела. В продразвёрстку они последние полмешочка зерна в снег спрятали, а пришли отбирать, штыками в сугроб — и нашли, и всё у них забрали, едва от голода вся семья не умерла! Потом война, блокада Ленинграда. Много на её судьбу всего выпало.

Мария: Да уж, какая концентрация жутких и глобальных исторических событий на одну долю выпала!

Лидия Васильевна: Очень у бабулечки моей тяжёлая судьба была. Я уже потом прониклась.

Мария: А как Вы пришли в храм? Я понимаю, что церковной жизнью Вы не жили.

Лидия Васильевна: В детстве я в церковь не ходила. Помню только, что у нас всегда на Пасху были куличи и крашеные яйца, утром бабушка всегда нас с сёстрами будила, чтобы мы разговелись вместе с ней. Сама она приходила после пасхальной службы. В храм она ходила до самой смерти, но нас не водила. Это были 60-е годы. Видимо, было опасно. Мне говорили, что возле церквей дежурили милиционеры и выгоняли тех, кто приходил с детьми. А может быть, родители мои были против.

Когда мне было лет двадцать, я у папы спросила: «Как ты думаешь, Бог есть?» Тогда мне папа и рассказывал о том, как в детстве ходил с мамой в храм, и про ботиночки, и сказал: «Ну что ты, Бога люди придумали, Бога нет!» И повторял то, что пропагандировали в школе.

В конце жизни папа очень серьёзно заболел. Последний раз я видела его за месяц до смерти. Когда я вошла, он даже голову в мою сторону не повернул, он был уже такой слабенький, его съедал рак. Он понимал, что умирает. Я его спросила: «Папа, а давай я тебе священника приведу?» Представляете, и вдруг этот слабый, умирающий человек с такой жизнью и с такой силой, с такой надеждой поворачивается ко мне, и глаза у него светятся! «Конечно! Приведи ко мне священника». К сожалению, в тот момент у меня очень тяжело болел ребёнок, и я не смогла этого сделать. Не была я и на его похоронах. Я даже каялась, что так получилось. Но зато я знаю точно, что перед смертью его душа обратилась к Богу!

Мария: Да, как важно вложить в душу своего ребёнка знания о Боге! Всё равно приходит момент, пусть даже на смертном одре, когда он всё вспомнит и будет знать, к Кому обратиться.

Лидия Васильевна, а были ли ещё какие-то традиции в Вашей семье, которые сохранились до сих пор?

Лидия Васильевна: Моя бабушка пекла жаворонков на день сорока мучеников и ласково называла их «жавурушки». Таких жаворонков, какие пекла моя бабушка, я делать не научилась и видела их только в музее хлеба. Но такие, как делаю я, тоже есть в музее.

Мария: А как произошло Ваше воцерковление?

Лидия Васильевна: Скорбями.

Когда мы с мужем познакомились, он — вдовец, отец двух дочек, я разведена, у меня тоже дочка. Только поженились, а у нас сразу трое детей. Я — мачеха, он — отчим. Здорово, да? Стали мы растить детей. И только когда наши старшие дети выросли, родилась у нас совместная дочка. Мне на тот момент было уже 39 лет.

А время-то какое? 90-е годы! И всё нас с мужем куда-то вело. Свидетели Иеговы выступали, мы ходили на какой-то стадион. И всё я что-то пыталась понять, и всё сердце моё молчало. Муж просто заснул. Но зато мы получили по Евангелию. Потом сходили к баптистам. И там что-то послушали, но тоже не понравилось.

Наконец муж прочитал Евангелие и сказал: «Вот здесь то, что нужно!» И когда я забеременела, пошёл в Иоанновский монастырь и покрестился.

Потом у нас родилась дочь и так заболела, что я поняла, что врачи ничего не знают! К году нам уже такие диагнозы ставили, что вообще было не понятно, как жить дальше.

Интересно устроено материнское сердце. Накануне кошмара, который нам пришлось пережить, в июне месяце я ощутила невероятное, необъяснимое беспокойство и первый раз в своей жизни пошла в храм на исповедь к отцу Игорю в храм преподобного Серафима Саровского. Я почувствовала, что должна внутренне очиститься. Уже гораздо позже я узнала, что детки болеют по грехам родителей. В тот момент я ничего не знала, но ощутила сильнейшую потребность в покаянии. Посмотрела, когда будет исповедь, и пошла. А ноги-то не идут! Я заставляла себя идти в храм. И всё не могла понять, почему у меня текут слёзы и невозможно их остановить — так у меня плакала душа. В тот день я рассказала отцу Игорю про себя всё самое плохое, всё, что могла вспомнить и что осознавала про себя на тот момент. Всё, что мне сказал батюшка, было слишком сложным и не нашло отклика, но я всё равно почувствовала облегчение.

А потом наступило 9 августа, и мы с дочкой поехали по больницам. Настало это страшное время, которое я предчувствовала. Из следующего года мы в больнице прожили месяцев восемь. И вот тогда я начала молиться о болящих. Я плакала над каждым словом в Евангелии об исцелённых больных.

Пока мы были в больнице, у меня умер папочка, через месяц скоростижно умерла и мамочка — они так любили друг друга, что жить друг без друга не смогли. А у меня началась очень тяжёлая, беспросветная полоса — столько слёз, столько страхов, время полнейшей неопределённости! Я настолько измучилась, не передать словами!

Как-то позвонила мне подруга и спросила: «А у вас ребёнок-то крещённый?» — «Нет...» — «Надо покрестить!»

Дочку крестили в больнице. К нам приехал батюшка из Иоанновского монастыря, протоиерей Георгий Очкалов († 2 июля 2019).

Первое маленькое чудо случилось с нами в феврале 1996 года. Мы с дочкой переезжаем с мигалками и сиренами из одной больницы в другую, и я поняла, что больше так не могу, что в

этом нет никакого смысла, я написала расписку и забрала ребёнка домой. И первый раз понесла её на причастие. И тут же температура, из-за которой мы лежали в больнице, сама собой прошла. Я поняла, что это чудо. Поняла, что нужно причащать чаще, и стала приносить доченьку на причастие каждые выходные.

Был такой случай, Катеньке было года два, бежим с ней на причастие. Я везу её в коляске. Заходим за церковную ограду со стороны книжной лавки. Вдруг Катя моя: «Мама, боюсь! Как страшно! Боюсь!» — «Что боишься?! Где страшно? Что случилось?» А она пальчиком на наш храм показывает и говорит: «Там Бог живёт!» Дети всё чувствуют! В храме Бог живёт!

Над нами как дамоклов меч висела операция, которую то назначали, то отменяли. Уже была осень 1996 года, мы в очередной раз выписались из больницы, у дочки была температура, операция снова отменилась. Я принесла Катю причащать. И почему-то она не допила запивочку. Я допиваю, и вдруг такая теплота в груди разливается. Я подумала: «Это что, туда вино налили?» Спросила у нашей прихожанки, у Ольги Трапезниковой: «Что это за запивка такая?» — «Это обычный компотик, а что?» — «Туда, наверное, вино добавили?» — «Да что вы! Вы просто благодать почувствовали».

С тех пор мы с Ольгой познакомились и стали общаться. Она мне рассказала про отца Николая с острова Залит. Когда я узнала про старца, я уже ни есть, ни спать не могла, я поняла, что мне надо ехать к нему. А когда приехала, то воочию увидела человека святой жизни! Только подойдишь к нему, а он про тебя знает всё! Я плакала, говорила, что у меня ребёнок болен, а он мне улыбнулся и сказал: «Исцелится!»

А я не верю! Как может исцелиться?! Когда даже врачи не знают, что с нами делать!

Я вернулась домой, а ничего особенного мне отец Николай не сказал, всё по Евангелию, благословил нас с мужем венчаться.

Отец Георгий и мужа моего крестил, и детей, а потом и обвенчал нас. А после венчания отец Георгий говорит: «Милая, пойдите с Валерием к мощам Иоанна Кронштадтского и почитайте акафист. Может, по молитвам Батюшки и операцию отменят?»

Пошли и ребёнка с собой взяли. Обливались слезами, молились. Потом ложимся в больницу на операцию. Наш профессор смотрит нас на УЗИ, студенты стоят, а он и говорит: «Кому вы молились, что у вас так всё хорошо?» Это спросил человек даже не крещёный! А я и отвечаю: «Мы молились Батюшке Иоанну Кронштадтскому». Студенты переглядываются, глазами моргают. Вот так вот вся эта страшная история закончилась! Моя доченька исцелилась!

А через год я узнала, что жду ребёнка.

Мария: Мне Ваша история напомнила Иова Многострадального, когда Господь сначала забирал, а потом сторицей вернул.

С младшими детьми — с Катей и Васей

Лидия Васильевна: Вот такие чудеса! Как только узнали мы новость о пополнении, отправил меня муж к отцу Николаю на Залит, всё-таки уже возраст. Батюшка меня благословил и сказал: кормильца родишь. Сказал назвать новорожденного по святцам. Родился наш Василий 12 января, а 14 января — святитель Василий Великий.

Я в Песочном живу с детства. Когда я забеременела Васей, здесь на Садовой, просто революция какая-то произошла! Раньше так поздно никто не рожал. Через месяц после родов мне исполнилось 44 года.

Я тогда очень хорошо поняла, что мы стадные, тяжело, когда тебя все перестают принимать. Я даже в местную поликлинику не пошла на учёт вставать, ездила в город. А туда приехала, мне сказали: «Хватит с вас детей, муж старый, вот вам направление на аборт».

Я говорю: «Какой аборт? Это мой ребёнок, я буду рожать!» Пришлось отстаивать Васю — у меня было настоящее торжество православия, когда я смогла с Богом победить все эти тёмные силы, которые лезли ко мне отовсюду и хотели убить моего ребёночка!

Мария: Расскажите, пожалуйста, о Ваших родителях.

Лидия Васильевна: Я очень благодарна своим родителям! Они многому меня научили!

Мне было лет восемь, сестре двенадцать. К нам в гости пришла какая-то женщина и сделала нам замечание. Когда родители уже проводили гостью, моя старшая сестра, борец за правду, говорит им: «Как она посмела сделать нам замечание?! Мы этого не делали!»

На что нам родители сказали: «Ну и что?» — «Как что? Нам сделали замечание, а мы этого не делали? Это несправедливо!» — «Ну и что? Ты жизни этой женщины не знаешь и осуждать её не имеешь права, потерпишь, ничего с тобой не будет».

Когда у нас была комната в коммуналке, родители не разрешали нам выходить на кухню, чтобы своим присутствием мы никому не помешали. Нас воспитывали так, чтобы мы ни при каких обстоятельствах никого не побеспокоили и не обидели. Даже если человек обошёл с нами несправедливо. «Ну и что? Ничего с тобой не будет. Потерпишь». И всё.

Чужая соседская жизнь ставилась выше наших интересов. И родители заставляли нас терпеть. Для них отношения с соседями — было чем-то святым.

Я очень благодарна за эту науку своим родителям, и детей своих воспитывала так, чтобы и они понимали, что интерес окружающих людей выше, чем их собственный, что ты не имеешь права никого осуждать, потому что не знаешь чужой жизни. Само замечание той женщины меня никак не затронуло, а вот эта мысль запала глубоко в душу.

Мария: А я так поняла, что в любой ситуации важен выбор урока, который мы из неё делаем!

Расскажите, пожалуйста, пару слов, как Вы переехали в Песочный?

Лидия Васильевна: Родительский дом стоит от нас через дорогу. Родители построили здесь дом в 50-х годах, и мы приехали сюда из нашей коммуналки.

Когда в 1972 году папа заменял дровяную печку на угольный котёл, я его спросила: «Папа, а почему ты сразу не поставил котёл, все люди сразу нормальное отопление делали?» У нас была печка и голландка. А он мне ответил: «Лиля, я всё время думал, что война начнётся. У нас такая была тяжёлая международная обстановка...» Представляете, папа, который прошёл фронт, всё время думал, что снова будет война! И где тогда уголь для котла возьмёшь? А дров для печки всегда сможешь где-то набрать.

Мария: Что Вы считаете самым главным в жизни?

Лидия Васильевна: Верность Богу. Я боюсь отступить от Него. Последнее время этот страх становится меньше, потому что чувствуется любовь и милость Божия.

Но я понимаю, что воспитание, которое я получила в советское время: «будь готов» — «всегда готов!» — это моя слабость. К чему готов? К греху. Я боюсь в нужный момент спастись, оказаться добренькой без рассудительности.

Мария: Что бы Вы хотели пожелать читателям нашей газеты?

Лидия Васильевна: Мира в душе и радости!

Мария: Спасибо Вам за очень интересную беседу!

Большая семья. Проводы Василия в армию

Венчание дочери Наташи
в храме прп. Серафима Саровского

?/!

СТЕРЕОТИП: Дети из многодетных семей — обделённые вниманием, заботой и любовью. Чем больше детей в семье, тем больше между ними борьба за внимание и любовь родителей.

Семья Крашенинных

Папа — Михаил
Мама — Мария

И дети:

Марфа 14 лет,
Пелагея 14 лет,
Макарий 11 лет,
Евдокия 6 лет,
Серафима 4 года.

ОТВЕТ:

Почему именно дети из многодетных семей обделены вниманием?

Нехватка внимания — основная проблема человечества.

Куда оно направлено? Куда оно уходит?

Во многих малодетных семьях детям не хватает внимания и любви родителей.

В больших семьях не только родители, но и дети сами заботятся друг о друге. В делах и сложностях крепнет привязанность и любовь.

Ведь дело не в количестве, а в качестве внимания. Бывают фантастически хлопотливые родители, которые родили одного или двух деток и своим гипервниманием задёрпали, избаловали и буквально задушили их.

А если посмотреть в другую сторону, то возникает вопрос: сколько получают внимания и любви родители от детей? Я думаю, возврат положительной энергии будет пропорционален!

В каждой семье есть свои недостатки. Мы все не идеальные, но искреннее желание научиться любить Бога через служение ближнему, избавление от эгоизма направят нас верным путём, и все минусы обернутся плюсами.

Мария Крашенинина

Большой помощью
и поддержкой для
газеты
«Церковь въ
Песочномъ»
стали бы ваши
пожертвования.

КАЛЕНДАРЬ НА АПРЕЛЬ

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
				1 Мученика Хрисанфа, мученицы Дарии и с ними	2 Прп. Иоанна, Сергия, Патрикия, во обители святого Саввы убиенных	3 Преподобного Серафима Вырицкого
4 Свщмч. Василия Анкирского, пресвитера	5 Прп. Никона, игумена Киево-Печерского	6 Прп. Захарии Печерского, постника	7 Благовещение Пресвятой Богородицы	8 Собор Архангела Гавриила	9 Мученицы Матроны Солунской	10 Прп. Илариона Псковоезерского Гдовского
11 Свщмч. Марка Арефусийского, Кирилла, диакона, и иных многих	12 Преподобного Иоанна Лествичника	13 Свят. Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского	14 Преподобной Марии Египетской	15 Преподобного Тита чудотворца	16 Прп. Никиты Исповедника, игумена Мидикийского	17 Вход Господень в Иерусалим
18 Начало страстной седмицы	19 Равноап. Мефодия, архиепископа Моравского	20 Прп. Даниила Переяславского, архимандрита	21 Великий Четверг	22 Великая Пятница	23 Великая Суббота	24 ПАСХА
25 Прп. Василия исповедника, епископа Парийского	26 Свщмч. Артемона Лаодикийского, пресвитера	27 Мучеников Антония, Иоанна и Евстафия Виленских	28 Апостолов от 70-ти Аристарха, Пуда, Трофима	29 Мучениц Агапии, Ирины и Хионии	30 Преподобного Зосимы, игумена Соловецкого	

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ ВЫРИЦКИЙ. ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ

«Всемогущий Господь управляет миром, и всё, вершащееся в нем, совершается или по милости Божией, или по попущению Божию. Судьбы же Божии непостижимы для человека... Только такое воззрение на сущность всего происходящего привлекает в душу мир, не попускает увлекаться разгорячением, направляет зрение ума к Вечности и доставляет терпение в скорбях. Да и сами скорби представляются тогда кратковременными, ничтожными и мелочными».

«Буди на всё воля Божия. Болезнь — это школа смирения, где воистину познаешь немощь свою».

«Находишься ли ты в трудных обстоятельствах, среди людей, которые тебя не понимают, не считаются с тем, что тебе приятно, которые отстраняют тебя, — от Меня это было. Я — Бог твой, располагающий обстоятельствами, и неслучайно ты оказался на своем месте, это то самое место, которое Я тебе назначил. Не просил ли ты, чтобы Я научил тебя смирению? И вот Я поставил тебя в ту именно среду, в ту школу, где этот урок изучается».

«Постигла ли тебя тяжкая болезнь, временная или неизлечимая, и ты оказался прикованный к одру твоему — от Меня это было. Ибо Я хочу, чтобы познал ты еще глубже Меня в немощах твоих телесных и не роптал бы за сие ниспосылаемое тебе испытание, и чтобы ты не старался проникнуть в Мои планы спасения душ человеческих различными путями, а безропотно и покорно преклонил бы главу твою под благодать Мою о тебе».

«Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, и потому положи в сердце свое слово, которое Я объявил тебе, в сей день от Меня это было. Храни их, знай и помни — всегда, где бы ты ни был, что всякое жало притушится, когда ты научишься во всем видеть Меня. Все послано Мною для совершенствования души твоей».

**Проповедь об изгнании
Адама из Рая
(стр. 1, 10–13)**

**Мученический
подвиг настоятеля
(стр. 6–9)**

Летопись храма (стр. 12–13)

**Интервью с Махмутовой
Лидией Васильевной
(стр. 16–21)**

**Многодетные
против стереотипов
(стр. 22)**

Храм прп. Серафима Саровского

Главный редактор — протоиерей Игорь Филин
Выпускающий редактор — М. А. Мельникова
Корректор — Т. А. Румянцева
Фотографии Александра Шулякова и из личных архивов прихожан

Сайт: hramserafima.spb.ru
E-mail: hram-serafima@mail.ru
Храм прп. Серафима Саровского
197758, Санкт-Петербург, пос. Песочный,
Ленинградская ул., 10. Тел.: (812) 240-26-49
Богослужбные дни:
среда, пятница, суббота, воскресенье.